
История международных отношений и внешней политики
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

УДК 94

СИРИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: НЕПРОЙДЕННЫЙ МАРШРУТ

Сергей Михайлович Абрамов

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
abramowwwsm@mail.ru

Сергей Александрович Акулов

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
sergei1954akulov@rambler.ru

Аннотация. В статье говорится о том, что во второй половине XX века Голанские высоты стали объективным фактором противоречий в сирийско-израильском конфликте. Отмечается, что сочетание необходимости урегулирования арабо-израильского конфликта и одновременно территориального конфликта с Сирией создавало дополнительные препятствия для обеспечения безопасности в ближневосточном регионе, без дипломатических договоренностей с Сирией она не работает. Важно понимать, что с самого начала переговорного процесса Сирия, чья позиция отличалась крайней предвзятостью, считала, что Голанские высоты и есть самоцель, на которую были замкнуты ее интересы, в то время как Израиль делает упор на дипломатию, сконцентрировав свое внимание на поиске адекватных средств урегулирования сирийско-израильского конфликта, а не только на целях. Особенно очевидно, что принятая на переговорном процессе парадигма урегулирования конфликта на основе принципа «территории в обмен на мир» стала повторяющейся (застывшей) на уровне формы, что произошло не спонтанно, а только в результате отсутствия каких-либо сдвигов в его урегулировании. Тем более что сирийско-израильский конфликт не имеет решения в рамках указанной формулы, так как время простых и одновременно правильных подходов к его урегулированию прошло. Приверженность данной, безусловно, авторитетной парадигме как некоему ритуалу стала сдерживать появление новых неожиданных форм, направленных на урегулирование сирийско-израильского конфликта, который все больше насыщается сложной неопределенностью. Особый акцент в статье делается на том, что критически важно понимать: сегодня требуется иная интерпретация места и роли Голанских высот в сирийско-израильском дипломатическом диалоге, масштабы которого не надо переоценивать и который к тому же продолжает находиться в состоянии застоя. Поэтому современная дипломатия

должна исходить из критического понимания новой сложной реальности – Гражданской войны в Сирии, которая максимально затрудняет поиск и смену парадигмы сирийско-израильского урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирия, Израиль, Шестидневная война, Голанские высоты, октябрьская война, переговорный процесс, «сделка века»

Для цитирования: Абрамов С.М., Акулов С.А. Сирийско-израильский конфликт: непройденный маршрут // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 79-94.

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

Original article

SYRIAN-ISRAELI CONFLICT: ROUTE NOT TRAVELED

Sergey M. Abramov

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
sergei1954akulov@rambler.ru

Abstract. The article says that in the second half of the twentieth century, the Golan Heights became an objective factor of contradictions in the Syrian-Israeli conflict. It is noted that the combination of the need to resolve the Arab-Israeli conflict and, at the same time, the territorial conflict with Syria created additional obstacles to ensuring security in the Middle East region; it does not work without diplomatic agreements with Syria. It is important to understand that from the very beginning of the negotiation process, Syria, whose position was characterized by extreme bias, believed that the Golan Heights was an end in itself, to which its interests were locked, while Israel focuses on diplomacy, focusing its attention on finding adequate means settlement of the Syrian-Israeli conflict, and not just on goals. It is especially obvious that the paradigm of conflict settlement on the basis of the principle of “territory for peace” adopted in the negotiation process became repetitive (frozen) at the level of form, which did not happen spontaneously, but only as a result of the absence of any shifts in its settlement. Moreover, the Syrian-Israeli conflict has no solution within the framework of this formula, since the time of simple and at the same time correct approaches to its settlement has passed. The adherence to this undoubtedly authoritative paradigm, as a kind of ritual, began to restrain the emergence of new unexpected forms aimed at resolving the Syrian-Israeli conflict, which is increasingly saturated with complex uncertainty. The article focuses on the fact that it is critically important to understand that today a different interpretation of the place and role of the Golan Heights in the Syrian-Israeli diplomatic dialogue is re-

quired, the scale of which should not be overestimated and which, moreover, continues to be in a state of stagnation. Therefore, modern diplomacy must proceed from a critical understanding of a new complex reality - the Civil War in Syria, which makes it as difficult as possible to find and change the paradigm of a Syrian-Israeli settlement of the conflict.

Keywords: Middle East, Syria, Israel, Six Day War, Golan Heights, October War, negotiation process, "deal of the century"

For citation: Abramov S.M., Akulov S.A. Syrian-Israeli Conflict: Route Not Traveled. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 79-94. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

«Война не решает никаких проблем,
их решает мир».
Шимон Перес

Оснований для подобной темы более чем достаточно, ибо проблема Голанских высот за последние десятилетия остается в центре современной архитектуры сирийско-израильских отношений, что принципиально исключает любое, в том числе ограниченное, урегулирование конфликта. Любые попытки ускорения внешнеполитического диалога между Сирией и Израилем не дадут результата при отсутствии договоренностей по Голанским высотам. Разрыв между объективной потребностью в урегулировании конфликта и неспособностью политических элит двух стран преодолеть так называемую проблему «территорий» будет ключевым вызовом на ближайшие годы для сирийско-израильских отношений как неотъемлемой части общего процесса арабо-израильского урегулирования конфликта, решение которого осложняется гражданской войной в Сирии. Как справедливо указывает Генри Киссинджер, «гражданская война втянула в свою орбиту этнические и конфессиональные группы, ни одна из которых, опираясь на исторический опыт, не была готова доверить свою судьбу решениям других» [8, с. 167]. Несмотря на то, что Сирия, будущее которой трудно предопределить, в настоящий момент не может играть в переговорном процессе конструктивной роли, еще не означает, что тема возвращения Голанских высот выходит из повестки переговоров.

Целью работы является попытка получить более ясное представление о проблеме Голанских высот как в прошлом, так и в настоящем, что позволит сторонам конфликта уйти от силового решения данного вопроса.

Задачи работы состоят в том, чтобы внести некоторые элементы определенности в проблему сирийско-израильского урегулирования конфликта, которые делают его урегулирование возможным, но не неизбежным, показать основные этапы эволюции переговорного процесса сторон, в рамках которых шел поиск решения проблемы Голанских высот, не рассматривая итоги и результаты переговоров в качестве непреодолимого препятствия, без осмысления которых, однако, трудно двигаться дальше.

Предлагаемая работа (статья) не содержит исчерпывающих ответов на решение вопроса Голанских высот, роль которого, возможно, недооценена в рамках сирийско-израильского конфликта, но этот вопрос позволит иначе взглянуть на его место в истории конфликта.

Рассматривая проблему сирийско-израильских отношений, необходимо на наш взгляд, прежде всего, обратиться к истории. Как известно, до 1967 года Голанские высоты формально принадлежали Сирии. Однако законность владения Сирией Голанскими высотами многими исследователями и политиками ставится под сомнение, усилившееся особенно в связи с программой американского президента Д. Трампа. Но пока никто с уверенностью не может сказать, во что выльется программа американского президента о признании Голанских высот частью территории Израиля.

Итак, Первая мировая война подходила к своему завершению, и Лига Наций разделила ближневосточный сегмент Османской империи, или так называемый Дамасский вилайет, на территориальные мандаты под внешним управлением – Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину и Ирак, полуколонии, которым в будущем планировалось предоставить независимость. Мандатными территориями управляли Англия и Франция. Франция получила мандат Лиги Наций на управление Сирией и Ливаном, а Великобритания – на Ирак, Иорданию и Палестину. Внутри подмандатных территорий произошел обмен, согласно которому Голанские высоты, населенные в основном друзами, перешли под власть Сирии.

«Особая ситуация на Ближнем Востоке после Второй мировой войны, – говорит Ш. Гойтейн, – подсказывала самые смелые решения» [5, с. 205]. В итоге после завершения Второй мировой войны бывшая мандатная территория, которой управляла Франция, – Сирия – получила независимость в 1946 г. Однако реальность была такова, что «границы на Ближнем Востоке были проведены соответственно дипломатической уместности и временным успехам оружия, а не общности культуры или воле населения» [1, с. 44]. В результате Сирия, в условиях неразберихи в территориальном вопросе после крушения Османской империи, получила Голанские высоты как незаслуженный приз. Имеет смысл обратить внимание на то, что при формировании новой картины Ближневосточного региона союзными державами – Англией и Францией – сбрасывались со счетов исторические, религиозные, культурные и национальные взаимодействия между различными субэтнотами арабского населения, что значительно усложнит желаемое осмысление тех территориальных проблем и противоречий, которые породят конфликтный потенциал будущих межгосударственных противоречий. Нет никакой необходимости утверждать, что реальность, сложившаяся после окончания войны, в высшей степени благоприятствовала территориальным притязаниям, в частности Сирии, стремившейся к независимости. Нельзя не указать на то, что сами колониальные державы заложили возможность межарабских войн и столкновений.

Отметим, что большую часть Голанских высот, формально принадлежащих Сирии, Израиль захватил во время оборонительной Шестидневной войны 1967 года, несмотря на то, что при обсуждении стратегии действий Израиля «Даян и Эшколь выступали против того, чтобы отвоевать у Сирии Голанские высоты» [6, с. 283]. Нельзя утверждать, что военная и политическая элита Израиля единодушно выбрала решение о штурме, но захват Голанских высот не был какой-либо неожиданностью, он предопределялся задачами обеспечения обороны Израиля. Нет сомнений в том, что данный вопрос был слишком сложным и непредсказуемым. Здесь нельзя не отметить два важных обстоятельства: во-первых, развитие

событий, связанных с включением новых территорий в состав Израиля, не было неизбежным, и, во-вторых, арабские государства, готовясь к тотальному уничтожению еврейского государства, дали право Израилю прибегнуть к военным действиям первым, действовать на опережение.

С момента окончания Шестидневной войны Голанские высоты стали объективным фактором разногласий в сирийско-израильском конфликте, который развивался в стиле предсказуемого явления, построенного на основе бинарного принципа «действие – ответ».

Вопреки тому, что случаев для возмущения внешней политикой Израиля в наше время более чем достаточно, отметим: здесь не было воли, изначального намерения или стремления Израиля распространить свое влияние до определенных пределов, до которых продвинулась его армия. Захват территорий вполне согласуется с обычной практикой ведения военных действий. Более того, и противники Израиля не отличались ангельской чистотой своих замыслов и действий. Убеждены, что именно они дали повод к тому, что впоследствии соотношение карты Израиля с его территорией будет нарушено. Одновременно нельзя недооценивать фактора, связанного с тем, что «географические координаты границ Израиля мудро не определены ни в одном израильском законе» [2].

Втянутый ходом событий в арабо-израильский конфликт, Израиль имел дело с коалицией арабских государств, не готовой ни к каким компромиссам, решительно защищающей свои интересы и совершенно на то время не признающей интересы «сионистского врага». Военные действия со стороны Израиля были своеобразным и своевременным откликом на готовящуюся агрессию со стороны арабских стран. В конечном счете, вопреки международному давлению, Израиль совершил то, что вполне согласуется с его оборонительной стратегией (правом на самооборону), защитой национальных интересов страны, что можно воспринимать как должное. Это не означает, что действия Израиля должны были иметь безупречный характер.

Вне всякого сомнения, захват Голанских высот, который дает повод к различным толкованиям и интерпретациям, не попадает под понятие «агрессия», поэтому всякий смысл говорить об аннексии высот Израилем отпадает. В любом случае приходится признать, что для обеспечения безопасности Израиля иного выхода, кроме как включения в состав Израиля спорной территории Голанских высот и превращения их в удерживаемую территорию, не было. Применительно к сложившейся обстановке установление контроля над территорией Голанских высот было неизбежно обусловлено логикой самой ситуации и стало одновременно очевидным и необходимым решением. Кроме того, контроль над Голанскими высотами выступил одним из способов (если не единственным) справедливого урегулирования сирийско-израильского конфликта в ответ на акт агрессии со стороны Сирии, в том числе попыткой свести к минимуму участие Сирии в будущих агрессивных действиях против Израиля. Возможно, указанное обстоятельство стало причиной того, что «в 1974 году Сирия и Израиль заключили соглашение об определении и военной защите границы между этими странами. Данное соглашение действовало четыре десятилетия, невзирая на войны и разгул терроризма, и соблюдается даже во время хаоса сирийской гражданской войны» [8, с. 155-156], – указывает Генри Киссинджер. Таким образом, подписанное соглашение 1974 года, с одной стороны, сыграло важную роль в нормализации взаимных отношений, которое заложило основу сосуществования двух ближневосточных государств без мира и войны, а с другой стороны, его отсутствие значительно увеличивало бы

вероятность нового военного столкновения. С этой точки зрения захват Израилем Голанских высот в ходе Шестидневной войны, бесспорно продиктованной императивом выживания государства, представляется оправданным. Должны признать, что применительно к вопросу Голанских высот, безусловно имеющих решающее значение в ходе сирийско-израильского конфликта, вынести какое-либо категоричное и обоснованное суждение практически невозможно.

Условно ситуацию, сложившуюся в результате Шестидневной войны, назовем «шоком реальности», который в отдельных случаях, возможно, приводил к нереалистичному оптимизму со стороны политической элиты, который ни в коей мере не следует преувеличивать. В условиях продолжения конфликта военно-политическая элита действительно считала (а такой фактор исключать было нельзя), что арабские страны неизбежно свыкнутся с фактом поражения, утратой территорий, а следовательно, новая ситуация объективно рано или поздно логично подтолкнет их к переговорам о мире с целью возвращения утраченных земель.

Фактически возможности от присоединения Голанских высот могли быть трансформированы в достаточные и желаемые результаты для Израиля. Поэтому Голанские высоты не могли не рассматриваться с точки зрения источника силы, экономического выживания и способа обеспечения его безопасности посредством реализации принципа, осуществленного позже в рамках международной конференции в Мадриде и процесса «Осло» («земля в обмен на мир»). Если взглянуть объективно, то их решения представляли собой активное накопление потенциала умеренного сценария урегулирования конфликта.

Отметим, что окончание Шестидневной войны и установление израильского контроля над Голанскими высотами принесло с собой попытку осмыслить значение проблемы «территорий», господствующих над Северным Израилем. Безусловно, для еврейской истории они имели не только историческое значение, но и представляли стратегический интерес. Как справедливо указывает А. Эпштейн, «...разные политические, государственные и военные деятели выдвинули множество всевозможных, зачастую противоречивших друг другу планов, ни один из которых не был реализован в полном объеме» [15, с. 12-13], ибо генезис нового никогда не ясен. Их позицию можно понять, так как им хотелось более четкого видения относительно будущего Голанских высот, которые еще только предстояло интегрировать в состав Израиля и адаптировать под свои задачи. Высказанные мнения и подходы к роли занятых территорий, в частности Голанских высот, обобщены в работе А. Эпштейна «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться».

Израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион, осознавая всю исключительность проблемы территорий для будущего Израиля, считал, что «...территории являются "залогом", который будет возвращен при условии заключения мирных договоров между Израилем и арабскими странами» [15, с. 25], что впоследствии не помешало ему высказать убеждение против возвращения Сирии Голанских высот.

Здесь важно понимать, что, несмотря на разногласия внутри политических элит, вопрос, связанный с судьбой Голанских высот, рассматривался с точки зрения их объективной целесообразности для Израиля, ибо с захватом Голанских высот Израиль создавал дополнительный запас (ресурс) прочности, но, на наш взгляд, не гарантию безопасности страны. Вместе с тем они (решения) оказались рациональными и с исторической точки зрения, несмотря на то, что Ицхак Рабин

скажет: «Те земли, что мы уже завоевали, тяжелым бременем легли на наши плечи» [9, р. 393]. Между тем «в израильском обществе пустила глубокие корни надежда, что Израилю удастся обменять занятые территории на признание и мир» [13, с. 263]. Это позволяет говорить о том, что после окончания Шестидневной войны 1967 года в израильском обществе возник запрос на урегулирование арабо-израильского конфликта.

Важность Голанских высот для Израиля обусловлена рядом принципиальных причин:

1) «Экономика: несмотря на малочисленность населения, сегодня на Голанах производят 50% минеральной воды Израиля, 40% говядины, около четверти всех израильских вин (в том числе 40% – экспортных), от 30 до 50% различных видов фруктов и т.д.» [4, с. 141]. Но с нашей стороны было бы ошибочно концентрировать внимание только на абсолютной экономической выгоде Голанских высот. Во-первых, она не гарантирует стабильности и, во-вторых, не играет решающей роли в развитии возможностей обеих сторон;

2) Военный или стратегический фактор: удержание высот не перестало быть для Израиля военной необходимостью. Тот факт, что военной силы не всегда достаточно для решения конкретных задач, не означает, что она утратила свое значение, несмотря на то, что она перестала быть абсолютным мерилем. Тем не менее для Израиля военная сила дает возможность обеспечить приемлемый уровень необходимой безопасности. Не следует забывать, что в ходе войны 1967 года территория Израиля подвергалась «...интенсивному артиллерийскому обстрелу с Голанских высот» [13, с. 220];

3) Водный ресурс как источник пресной воды: Израиль предотвращает любые попытки сирийцев отвести истоки рек Иордан и Ярмук, которые питают озеро Кинерет – главный резервуар воды в Израиле. Обладание им необходимо для развития еврейского государства. Подчеркнем: главный смысл водного ресурса заключается в том, что он сохраняет силу своего воздействия, прежде всего, на обе стороны.

И сегодня действует эта сложная совокупность факторов, проистекающая от обладания Голанскими высотами, контроль над которыми, безусловно, имеет военно-стратегическое значение. И все же, однако, важно не преувеличивать воздействия Израиля на Сирию, несмотря на то, что Голанские высоты выступают в качестве силы воздействия, прежде всего в ситуации сирийско-израильского конфликта, и ресурса выживания в арабо-израильском конфликте, в котором нельзя исключить применение военной силы. С этой точки зрения контролируемая территория Голанских высот, которые отечественный исследователь Александр Шумилин рассматривает как «долгосрочный оборонительный ресурс» [14], не потеряла своей ценности для государства Израиль, более того, она повысилась. Дело в том, что в условиях милитаризации арабского мира повышается необходимость мобилизации и реконструирования ресурсов Израиля.

Как отмечает А. Шумилин, «сегодня стратегическая значимость Голанских высот для Израиля мало кем подвергается сомнению» [14]. Осмелимся утверждать, что усилия Израиля по развитию Голанских высот, адаптированных под конкретные задачи, не являются безрезультатными или контрпродуктивными, несмотря на то, что характер отношений между Сирией и Израилем остается ситуационным, не исключает множества неучтенных рисков, ибо большую роль играет текущая ситуация.

История конфликта Сирии и Израиля проходит путь, ведущий от решения ООН от 14 мая 1948 года к нападению в октябре 1973 года, который проходит через события Шестидневной войны 1967 года.

С большой вероятностью можно предположить, что Сирия, которая продолжала придерживаться стратегии немирного сосуществования, имела намерение уничтожить Израиль как независимое государство, поэтому наряду с Египтом стала одним из активных участников Октябрьской войны 1973 года по причине непреодолимой инерции арабо-израильского конфликта, отмеченного рядом драматических событий. Нет сомнений в том, что 1973 год – удобный случай победить Израиль, который едва не поставил под вопрос существование страны как независимого государства. Подчеркнем очевидный факт: утрата Сирией Голанских высот, в которых закодирована травма сирийского государства (возможно, имеет и религиозно-мистическое значение, как, впрочем, и для Израиля), стала рассматриваться в качестве права на насилие, более того – его оправдания, наконец, своеобразной формы сильного реванша – возвращения стране Голанских высот, несмотря на то, что данный аргумент не кажется убедительным. Он вызывает контраргумент – право на насилие и на установление контроля за Голанскими высотами со стороны Израиля. Все-таки правовую основу под концепцией оправдания насилия заложили политические элиты Сирии, которые практикуют мстительный ресентимент, рассматривая Израиль как временную причину своих неудач. В итоге исторические контексты, сопровождаемые разнонаправленным пониманием места и роли Голанских высот в истории Ближнего Востока, усложняли ясность проблемы и неизбежно несли в себе мощный реваншистский заряд.

В любом случае война 1973 года лишней раз доказала необходимость и стратегическое значение Голанских высот для Израиля, ибо Сирия не смогла их использовать в качестве военного плацдарма для нападения на Израиль.

Обращение Сирии к силовым действиям становится типичной линией поведения, так как отказ от нее ведет к повышению жизнеспособности Израиля, а значит, помогает ему выжить, что нарушает позицию арабского мира, его единство, против которого, разумеется, сирийская элита пойти не могла. Впервые в войне 1973 года Израиль и его противники – арабские государства – не могли больше обходиться собственными силами для решения текущих задач, не вовлекая в арабо-израильский конфликт мировые державы – США и СССР (назовем их державами – дирижерами арабо-израильского конфликта, но плохими дирижерами, так как «оркестр» не может сыграть), которые фактически монополизировали военную мощь и политическое влияние. Безусловно, реакция мировых держав на события войны 1973 года свидетельствовала не только о глубине арабо-израильского конфликта, но и о том, что основные акторы ближневосточного конфликта не могли обходиться собственными силами и средствами для его преодоления. Возможно, действия мировых держав еще меньше благоприятствовали миру на Ближнем Востоке, который становился пространством их соперничества. Вместе с тем их действия, прежде всего дипломатические, снимали только остроту арабо-израильского конфликта, и не более того. Продолжала сохраняться ситуация, при которой война была вероятна, а мир невозможен, что дает пессимистический повод сказать о том, что арабо-израильский конфликт стал нормальным состоянием Ближневосточного региона.

В 1981 году кнессет в одностороннем порядке провозглашает суверенитет Израиля над Голанскими высотами, на которые одновременно было распространено израильское законодательство. Данное решение говорило о том, что эта территория фактически была аннексирована вопреки международному праву. Ре-

акция международного сообщества была предсказуема: международное сообщество, руководствуясь антиизраильским настроением, в том же году решением Совбеза ООН признало решение Израиля недействительным, настаивая на том, что указанная проблема должна решаться между сторонами за столом переговоров. Как указывает известный российский востоковед А.М. Васильев, «...согласиться с аннексией этой территории никакое правительство в Сирии не могло» [3, с. 467].

Неизбежно Голанские высоты переросли в дипломатический аспект проблемы, в решении которой Израиль не раз проявлял готовность к радикальным уступкам и каждый раз уступал перед сложной задачей урегулирования сирийско-израильского конфликта. Эпоха И. Рабина могла стать периодом глубокого мирного урегулирования, но этого не произошло. Полагаем, что не надо переоценивать масштабы дипломатического воздействия на урегулирование сирийско-израильского конфликта, какими бы незначительными они не были. Ни одно из них не имело ощутимого воздействия, а тем более какого-либо значения. Дадим их краткий обзор.

Итак, в 1991 году в Мадриде была созвана миротворческая конференция по Ближнему Востоку под сопредседательством СССР и США, согласие на работу в которой «...впервые дали все участники конфликта – Сирия, Египет, Иордания, Израиль и Ливан» [12, с. 372]. Известный российский востоковед Е.М. Примаков утверждает, что «несомненным достижением было провозглашение в Мадриде формулы: “территории в обмен на мир” в качестве основы всеобщего урегулирования» [12, с. 373] (добавим – его ориентира, говоря о том, как это выглядело внешне), которая не была лишена здравого смысла, так как исключала урегулирование ближневосточного конфликта любой ценой, неприемлемой в первую очередь для Израиля (израильское правительство настаивало на формуле «мир в обмен на мир»), но приемлемой для других участников конфликта – арабов.

Возможно допустить, что участники международной конференции, провозгласив подобный принцип «территории в обмен на мир» (который, на наш взгляд, не является удачным) доступным и приемлемым способом урегулирования конфликта, в полной мере не осознали ограниченность указанного принципа, который практически оставлял в стороне не менее глубокие религиозные и национальные противоречия. С этой точки зрения Мадридская конференция сделала критически мало как для урегулирования арабо-израильского конфликта, так и для сближения позиций и интересов Сирии и Израиля. Основная причина заключается в том, что дипломатия ключевых участников конференции СССР и США – мировых держав, взявших на себя химерическое бремя урегулирования арабо-израильского конфликта, отличается национальными и идеологическими различиями по вопросам войны и мира на Ближнем Востоке; перенесенная на поля мусульманских стран, она сохраняет свою форму, а не содержание. «Оппозиционная дипломатия» СССР и США, скорее всего, вела к упрочению (стагнации) сирийско-израильского конфликта, нежели к принципиальному повороту в направлении его урегулирования. Вместе с тем отсутствие конструктивной позиции Сирии по вопросу Голанских высот лишало страну перспектив переговорного процесса.

Отметим, что ожидания от переговорного процесса оказались значительно выше его реальных политических возможностей. Естественно, они вызвали резкое неприятие как со стороны Израиля, так и со стороны Сирии. На решение Мадридской конференции, фактически создавшей иллюзию возможности урегулирования конфликта, замкнулись нереализованные надежды со стороны Сирии. Практически переговорный процесс между Сирией и Израилем превратился в своеобразный симулятивный ансамбль слабых взаимодействий, в который все

больше погружался переговорный процесс, не имеющий точек совпадения интересов.

Нет сомнения и в том, что в то же время решение Мадридской конференции представляло собой выгодное и одновременно удобное компромиссное решение как для Израиля, так и для арабских стран – участников переговорного процесса, относящихся с подозрением друг к другу, все же отодвигая неизбежность нового военного столкновения. К тому же предложенная формула была нужна прежде всего странам-кураторам СССР и США, чтобы скрыть реальную невозможность мирного урегулирования арабо-израильского конфликта и одновременно с тем запустить новую парадигму его решения, продолжением которого станут соглашения Осло.

Логично предположить, что решение указанной проблемы возможно на пути изменения сознания различных религиозных социальных групп и в Сирии, и в Израиле. Технология этого изменения может выглядеть следующим образом: мы теряем землю, говорят сирийские арабы, но мы продвигаемся по пути Аллаха, ибо создаем условия для мира, что дело богоугодное. А в Израиле достичь мира и осуществить легитимную передачу спорных Голанских высот в свои руки можно на основе государственного межпартийного и межконфессионального консенсуса по всему спектру проблем территориального размежевания. Укажем, что ни одна политическая сила полностью не формулирует так свою позицию, но это движение представляется единственно перспективным.

Итак, какой бы привлекательной для урегулирования конфликта не казалась парадигма «территории в обмен на мир», которая изначально безусловно завораживала общественное сознание силой своего упрощения урегулирования конфликта, с ней, полагаем, нельзя согласиться однозначно. Конечно, ее достоинство заключалось в том, что она являлась в целом правильной, ибо исходила из репрезентации (констатации) реальности. Ее недостаток состоял в том, что она исключала несогласие за ее пределами, а с течением времени она все больше превращалась в своеобразное легитимное прикрытие для дальнейшей агрессии со стороны части арабского мира.

Своеобразным продолжением Мадридской конференции стали соглашения Осло (1992–1996 гг.), достигнутые после длительного переговорного процесса. Принципиальное отличие соглашений, которые несколько не следует фетишизировать, состояло в том, что они привели к конкретному результату: в одном случае было достигнуто соглашение с палестинцами – «Израиль и ООП признали друг друга в качестве партнеров по переговорам» [10, с. 141], в другом – они заморозили конфликт Сирии с Израилем, который со временем принял застойный характер. Причем решение части палестино-израильских противоречий затеняло саму суть сирийско-израильского конфликта, который все больше отодвигался на второй план.

Государственный и политический деятель Израиля, известный далеко за пределами его страны, принимавший непосредственное участие в подготовке израильско-палестинского соглашения, Шимон Перес говорит: «Наши переговоры с сирийской делегацией были очень бурными и зачастую напоминали диспут о тонкостях Талмуда. Сирийцы поддерживали атмосферу торга, но отказывались перейти от словесных нагромождений на почву реальности. Они не были готовы обговорить условия предлагаемого мира, заявляли лишь, что будут удовлетворены миром без учреждения посольств, а также не указывали, какого типа безопасность они готовы обеспечить. Они настаивали на том, чтобы Израиль первым заявил о своей готовности уйти со всех оккупированных территорий и ликвидиро-

вать свои поселения – только тогда они будут обсуждать оставшиеся вопросы. Короче говоря, Сирия хотела достигнуть того же, чего достиг Египет в Кэмп-Дэвиде, не пройдя при этом по тому мучительному пути, который ведет к достижению цели» [11, с. 30-31]. И далее «...шансы на успех переговоров с палестинцами были не слишком велики, а ситуация с Сирией походила на гордиев узел, который никто не торопился разрубить», – подчеркивал Ш. Перес [11, с. 52]. Данный эпизод свидетельствует о том, что на переговорном процессе Израиль придерживался политики отсутствия дверей, которая исходила из важности общих интересов, несмотря на имеющиеся разногласия между сторонами конфликта, ибо само понятие двери почти всегда подчеркивает идею разделения, даже если она и открыта. В свою очередь, Сирия придерживалась принципа закрытых дверей (с учетом неготовности Израиля уйти с Голанских высот), продолжала упорно держать диалоговое окно закрытым, что подчеркивало идею разделения. Как указывает Г.И. Мирский, «...у сирийцев есть оправдание: Израиль отказывается вернуть захваченную в 1967 г. сирийскую землю – Голанские высоты» [10, с. 100]. Отметим, что такая политика редко оказывается эффективной. Единственная цель этой политики – показать, что нерешенная проблема Голанских высот нас разделяет. Самое сложное – это то, что в рамках переговорного процесса политическое руководство Сирии выдвигало условия, которые априори являлись невыполнимыми для Израиля. Безусловно, это тормозило выработку какого-либо соглашения, отсутствие которого позволяло Сирии оставаться в «зоне конфликта», что означало решать проблему высот только на своих условиях (в арабской культуре вообще принято решать проблемы строго на своих условиях).

1999–2001 годы вошли в историю как новая попытка выйти на урегулирование сирийско-израильского конфликта посредством заключения мирного договора с Сирией. Новое правительство Э. Барака, которое понимало всю глубину сирийско-израильских противоречий, чтобы строить какие-либо иллюзии, сосредоточивает свои усилия на переговорах уже не с лидером палестинских арабов Я. Арафатом, а президентом Сирии Хафезом Асадом, относительно которого существовало большое сомнение в его готовности подписать мирное соглашение с Израилем, которое в глазах арабского мира походило бы на капитуляцию, что изначально уже затрудняло подписание какого-либо соглашения. То есть Х. Асад, которому, на наш взгляд, все-таки сложно навязать определенный образ непримиримого борца с сионистским государством, предпочитал быть вместе с арабским миром, и это очень важный фактор. Важно отметить, что ранее аналогичная попытка урегулирования территориальных противоречий с Сирией была сделана правительством Б. Нетаньяху, которым в 1997–1998 гг. через американского посредника Р. Лаудера были предложены уступки по Голанским высотам. Поэтому рассматривать Эхуда Барака первым, кто предложил Сирии щедрые уступки по вопросу Голанских высот, ошибочно, что отнюдь не является категоричным высказыванием.

Несмотря на то, что у правительства Э. Барака не было в конессете большинства, необходимого для одобрения возврата Голанских высот, тем не менее, по его мнению, для достижения мира с Сирией Израиль должен был пойти на возвращение Голан. Так, из второстепенной проблемы вопрос Голанских высот постепенно вышел на первый план. Подчеркнем, что итоги сирийско-израильского переговорного процесса так и не вышли за пределы горизонта собственных интересов, прежде всего территориальных, поиска конструктивных вариантов урегулирования конфликта.

В декабре 1999 и в январе 2000 года в США переговорный процесс Израиля с делегацией Сирии получил свое продолжение, в Шепердстауне состоялись два раунда переговоров. Как и следовало ожидать, на встрече сирийской стороной были выдвинуты категоричные требования в качестве необходимого условия для начала официальных переговоров – предельно ясно сирийской делегацией были сформулированы требования, которые включали уход Израиля с Голанских высот и его возвращение к границам, существовавшим до 4 июня 1967 года. В свою очередь, Израиль потребовал от Сирии дать гарантии на демаркацию границы 4 июня 1967 года и ее согласие на расширение полосы под контролем Израиля вдоль берега озера Кинерет. Переговорный процесс был остановлен по причине того, что глава сирийской делегации заявил: он не имеет формального права подписывать соглашение с делегацией Израиля, так как это является прерогативой президента Сирии. Понимания, что делать для урегулирования сирийско-израильского конфликта, обусловленного рядом причин, не добавилось.

Новая встреча состоялась 26 марта 2000 года в Женеве. Это была встреча сирийского президента и Б. Клинтона, на которой Хафез Асад отклонил предложения американского президента, бескомпромиссно заявив, что граница между Израилем и Сирией должна проходить по линии международной границы 1923 года между французской Сирией и британской Палестиной. Это предопределило провал переговоров с Сирией, который стал причиной возврата к палестинскому вопросу. Отнюдь не исключено, что Сирия из противника урегулирования сирийско-израильского конфликта постепенно превращалась в сложного партнера по переговорам, и американская дипломатия приложила для этого немало усилий. Отметим, что исход переговоров, в ходе которых объективно возрастает роль глав государств, был заранее предрешен, так как, во-первых, конфликт сирийско-израильских интересов не был преодолен и, во-вторых, переговоры затрагивали только территориальный аспект проблемы, что изначально ограничивало их возможности.

Антиизраильский настрой, обусловленный сохранением аннексии Голанских высот, а также открытое противостояние США стали причиной нового прагматичного этапа сближения Дамаска (заинтересованного в наращивании оборонительного потенциала) с Москвой, чья дипломатическая поддержка баасистского режима была постоянной и регулярной, что не могло не сказаться на независимом поведении (позиции) страны, несмотря на укрепление позиций сирийской политической элиты.

Как результат, конгресс США в мае 2004 года принимает антисирийские санкции. Тем не менее политическое руководство страны, в частности Башар Асад – у которого, как у любого государственного деятеля авторитарного арабского государства, говорившего одно, а делавшего другое, смеем предположить, имелась идея урегулирования сирийско-израильского конфликта как такового, но на своих условиях – дает согласие на участие в мирной конференции по Ближнему Востоку, которая состоялась в американском Аннаполисе (декабрь 2007 г.) и закончилась безрезультатно. Отсутствие результатов переговорного процесса, которое говорило о том, что Сирия провалила экзамен по урегулированию сирийско-израильского конфликта, не стало препятствием для того, чтобы в мае 2010 года с Сирией были восстановлены дипломатические отношения, а в самом Дамаске появился американский посол. Антизападный настрой президента Сирии Башара Асада безусловно тормозил, а в итоге остановил нормализацию отношений с Западом.

Между тем страна стояла на пороге «арабской весны», события которой поставили авторитарный правящий режим на грань катастрофы со всеми вытекающими отсюда последствиями – под вопросом оказался суверенитет государства. Поскольку сегодня Б. Асад, который, как любой авторитарный руководитель, несет единоличную ответственность за состояние страны и его населения, ослабил силу Сирии, вполне возможно допустить предположение, что страна им жертвует во имя обмена на мир (пусть даже и символический) и спокойствие. Несомненно, общую ситуацию усугубил внутренний раздражитель – государственное насилие, шлюзы которого открыл президент Сирии. Нельзя отрицать, что государственное насилие говорит о предельной неэффективности правящей элиты Сирии. Он соединился с внешним раздражителем – волной международного терроризма, превратившего Сирию в зону боевых действий, что не могло не ослабить правящий режим государства, который должен был безотлагательно решать внутренние и внешние проблемы, а не создавать их. Данное утверждение, возможно, вызовет возражения, но в нем есть определенная доля истины.

Однако обзор последствий не входит в задачу данной статьи. Не исключаем того, что геополитическое ослабление, а не уничтожение Сирии отвечает интересам Израиля, который на протяжении нескольких десятилетий находился в состоянии «ни мира, ни войны». Уничтожение не является приоритетом для Израиля, так как падение режима Б. Асада откроет представителям радикальных исламских группировок прямую дорогу на Иерусалим, захват которого для исламистов является богоугодным делом, как и уничтожение государства Израиль.

Логично предположить, что конец иллюзий и надежд на подписание договоренностей с Сирией стал причиной отказа Израиля от формулы, предполагающей обмен занятых территорий на признание и мир. Т.А. Карасова справедливо отмечает, что «израильское правительство не выражает заинтересованности в переговорном процессе, результатом которого могло бы стать возвращение территорий...» [7, с. 33]. Приходится констатировать очевидный факт: в частности, по разным причинам Голанские высоты временно потеряли для Израиля переговорную ценность (требования Сирии не вписываются в представления Израиля), особенно учитывая сложное современное состояние Сирии, также не проявлявшей особой инициативы в урегулировании вопроса Голанских высот по разным мотивам (например, избегание факта военного столкновения с Израилем с неясными последствиями), которое в настоящий момент ставит под сомнение достижение любых договоренностей по территориальному вопросу. Для Израиля, указывает А. Эпштейн, «возможный уход с территорий потерял свое главное практическое и моральное оправдание» [15, с. 244].

В настоящее время замороженный переговорный процесс, находящийся в состоянии застоя, неожиданно инициирован американской стороной в форме так называемой «сделки века», которая, возможно, является отчаянной попыткой убедиться в том, что урегулирование конфликта еще возможно. Отметим, что в европейской традиции сделка имеет двойную коннотацию: во-первых, это что-то закулисное, приватное; во-вторых, результат переговоров всегда близок к политическому блефу – игре с рисковыми результатами. Напротив, в американской культуре она представляет тактический результат одного из этапов стратегического процесса. Каждый этап заканчивается сделкой, которая имеет характер джентльменского соглашения. Гарантия в сделке – всегда деньги или иные оцениваемые ресурсы. Иными словами, урегулирование конфликта должно осуществляться на основе формулы «деньги в обмен на мир». Арабское понимание

сделки состоит в том, что по Корану она заключается на десять лет, а потом может быть расторгнута, прервана. Сделка с неверными может быть недействительной, носить внешнюю оболочку действительности. На деле это часто Такийя, то есть ложь, позволенная с неверными, но не позволительная с истинными мусульманами, с теми, кто истинно уверовал в Аллаха и его пророка. Однако в сделке, в отличие от переговоров, не возникает формальных обязательств. Можно считать это ее недостатком, так как интересы сторон, в частности Израиля и Сирии, не гарантированы.

Нельзя не отметить, что сегодня определяющим моментом в израильско-сирийском конфликте остается движение к неизвестному результату с точки зрения будущей судьбы Голанских высот, ибо с ними в сирийском обществе прочно отождествляется тема борьбы, сопротивления и противостояния с сионистским государством. Не исключено, что фактор Голанских высот будет сопряжен с идеей реванша в любой его форме. Одновременно надо сказать и о том, что перед Израилем и Сирией стоит задача превратить неясные взаимодействия в мощную систему новой дипломатии, направленной на разрешение коренного вопроса – Голанских высот. Для этого политические элиты должны выступить провоцирующим источником слабого взаимодействия сторон, а именно поддержать Асада в его интересе указать на дверь Ирану и Хезболле, что прямо он сделать не может без опоры на Израиль.

Учитывая все изложенные факты, нельзя не прийти к следующим выводам. Акцентируем внимание на том, что сегодня следует помнить, что Голанские высоты, идея возврата которых не умерла, – это земля притязаний со стороны Сирии, которая отошла к Израилю прежде всего в результате войны 1967 года, и всякие сравнения в этом вопросе неуместны. Она по-прежнему остается частью злободневного настоящего в сирийско-израильском конфликте. Как следствие, нормальность межгосударственного взаимодействия утрачена, полагаем надолго. Целью Сирии по-прежнему остается возврат Голанских высот, без каких-либо ответных обязательств Израилю – продолжать не примиряться и не признавать его. Возможно, что одним из проявлений урегулирования сирийско-израильского конфликта станет постепенное уменьшение роли и значения каких-либо непрекращаемых рамочных формул, которые постепенно превращаются в догмы, неверно отражая ситуацию (напомним, что арабы хотят не только территории, но и стремятся к уничтожению Израиля, в том числе и через его истощение). С учетом того, что интересы Израиля не совпадают с интересами Сирии, тем не менее большой объем пересечений между этими государствами дает возможность для развития двусторонних отношений вопреки тому, что время достичь договоренностей давно прошло. Важно отметить, что проблема прошлого и настоящего в сирийско-израильских противоречиях себя исчерпала; наоборот, интересна проблема будущего в данном вопросе. Поэтому полагаем, что пока преждевременно делать какие-либо окончательные выводы. И последнее: знание истории сирийско-израильских отношений способствует лучшему пониманию проблемы Голанских высот, вставшей перед государствами во второй половине XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арон Р. История XX века: Антология. – М.: Ладомир, 2007. – 1105 с.
2. Богданович К. Международное право и право Государства Израиль. URL: <https://maxpark.com/community/2342content/770532>

3. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. – М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с.
4. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. – М.: Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2013. – 664 с.
5. Гойтейн Ш.Д. Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков. – Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2016. – 256 с.
6. Гордис Д. Израиль: история государства. – М.: Мосты культуры, 2018. – 488 с.
7. Карасова Т.А. 70 лет Государству Израиль. Достижения и проблемы / Государство Израиль: путь длиною в 70 лет: Сб. науч. трудов. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 230 с.
8. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 512 с.
9. Gilbert Martin. Israel: A History. – New York: Harper Perennial, 1998. – P. 393.
10. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 163 с.
11. Перес Ш. Новый Ближний Восток. – М.: Прогресс; Гамма, 1994. – 240 с.
12. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
13. Черчилль Р. и У. Шестидневная война. Июнь 1967-го. – М.: Мосты культуры, 2019. – 272 с.
14. Шумилин А. С высоты Трампа. Новая газета на Урале. – № 33. 28.03.2019.
15. Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться. – М.: Мосты культуры, 2008. – 287 с.

REFERENCES

1. Aron R. History of the XX century: Anthology. M.: Ladomir, 2007. 1105 p.
2. Bogdanovich K. International law and the law of the State of Israel. [https:// max-park.com/community/2342content/770532](https://max-park.com/community/2342content/770532)
3. Vasiliev A.M. From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East. M.: Tsentrpoligraf, 2018. 670 p.
4. Geisel Z. Political structures of the State of Israel. M.: Jerusalem: Bridges of culture, Gesharim, 2013. 664 p.
5. Goitein Sh.D. Jews and Arabs. Their ties have been going on for centuries. Jerusalem; M.: Gesharim / Mosty kultura, 2016. 256 p.
6. Gordis D. Israel: history of the state. M.: Mosty kultura, 2018. 488 p.
7. Karasova T.A. 70 years of the State of Israel. Achievements and problems / The State of Israel: a path of 70 years: collection of articles. scientific. works. Moscow: MGIMO-University, 2019. 230 p.
8. Kissinger G. World order. M.: Publishing house AST, 2015. 512 p.
9. Gilbert Martin. Israel: A History. New York: Harper Perennial, 1998. P. 393.
10. Mirsky G.I. Islamism, transnational terrorism and Middle Eastern conflicts. M.: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2008. 163 p.
11. Perez S. New Middle East. M.: Progress; Gamma, 1994. 240 p.
12. Primakov E.M. Years in big politics. M.: Collection "Top secret", 1999. 448 p.
13. Churchill R. and W. The Six Day War. June 1967. M.: Bridges of culture, 2019. 272 p.
14. Shumilin A. From the height of Trump. New newspaper in the Urals. No. 33. 28.03.2019.
15. Epshtein A.D. Israel and (un)controlled territories: you can't stay away. M.: Mosty kultura, 2008. 287 p.

Информация об авторах: Абрамов Сергей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом», ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
abramowwsm@mail.ru

Акулов Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
<sergei1954akulov@rambler.ru>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey M. Abramov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia
abramowwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov, Senior lecturer of Personnel management sub-faculty of the Ural State Mining University,
Ekaterinburg, Roussia
sergei1954akulov@rambler.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.06.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.06.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

© Абрамов С.М. 2021
© Акулов С.А. 2021
© «ИСОМ». 2021